

ИСТОРИОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В. В. КОЖИНОВА

И. В. Колодяжный

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу историософских взглядов В. В. Кожина. Особое внимание уделяется евразийской концепции публициста.*

Ключевые слова: *В. В. Кожин, историософская публицистика, национальное самосознание.*

Abstract: *the article analyzes the historico-philosophical views by V. V. Kozhinov. Special attention is paid to the concept of the Eurasian publicist.*

Keywords: *V. V. Kozhinov, eurasianism, historiosophical journalism, national consciousness.*

Началом деятельности Вадима Валериановича Кожина (1930–2001) в жанре историософской публицистики можно считать 1980 г., когда им была написана большая программная статья «И назовет меня всяк сущий в ней язык ...», напечатанная в ставшем легендарным 11-м номере за 1981 г. журнала «Наш современник». Эта работа, написанная к столетию пушкинской речи Достоевского, стала в каком-то смысле поворотной и в духовном бытии России, и самого автора. В ней Кожин, отталкиваясь и развивая мысль Достоевского о всечеловечности как о сущности нашего национального самосознания, приходит к чрезвычайно важным выводам, которые легли в основу его историософской концепции.

Рассуждая о началах Западной и русской цивилизации, исследователь пишет, что «для Запада, выросшего на «сгнивших» развалинах поверженного древнего мира (культуру которого победители на данной стадии своего развития ещё не могли оценить и принять) в новом мире существовал только один полноценный «субъект» – он сам; весь остальной мир был «объектом» его деятельности <...>. Эта мировая ситуация западной культуры чревата тяжелыми последствиями, которые в наше время жестокой ясностью предстали перед самим Западом» [1, с. 191].

В то время как Русь, по мнению Кожина, «встретясь с Византией, почти полтысячелетия вела с ней живой диалог, и гибель Восточной римской империи была для неё тяжкой потерей, именно тогда возникла идея «Третьего Рима», на два столетия многое определившая в жизни Руси» [1, с. 194]. При этом надо подчеркнуть, что Кожин не ставил себе целью как-то принизить роль Запада в мировом историческом процессе. Он прямо писал, что «нельзя переоценить величие истории Запада. Опираясь всецело на самого себя, он дей-

ствительно явил торжество свободы деяния и мышления. Его история есть подлинно героическое освоение мира» [1, с. 192].

Однако, как объективно показывал публицист, это «героическое освоение мира» одновременно означало, что «Византия и государство ацтеков, Индия и Китай, и, конечно, Россия – только объекты приложения сил Запада и не имеют никакого всемирно-исторического значения» [1, с. 193].

Кроме того, в статье «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» Кожин впервые обращается к теме евразийства (впрочем, не упоминая самого этого понятия), которую он в 90-е годы разовьет в ряде своих статей («О «евразийской» концепции русского пути», «О византийском и монгольском «наследствах» в судьбе Руси», «Почему произошло крушение СССР?» и др.). К сожалению, для некоторых представителей славянофильского, точнее, русофильского направления, приверженность Кожина к евразийству до сих пор является чем-то предосудительным, поводом для нападок и раздраженной критики. Им кажется, что в евразийстве есть некое ущемление и даже подавление прав русского народа. Не углубляясь в полемику, можно сказать здесь, что последовательный противник евразийства должен отвергать всечеловечность, как черту русского народа и русской литературы, то есть по существу отрицать национальное своеобразие и самобытность, за утверждение которой вроде бы борются славянофилы.

«Русская литература, – пишет Кожин, – во всех своих подлинных проявлениях воплотила мощный и глубокий пафос равенства и братства с народами и Западом, и Востоком, создав, таким образом, своего рода духовный мост между Европой и Азией. В могучей всечеловеческой стихии русской литературы и Запад, и Восток одарены способностью, как бы сойти со своего «места» и братски протянуть друг другу руки» [1, с. 218]. Именно во всечеловечности русского национального самосознания Кожин

видел духовный – а значит, и самый долговечный – фундамент для существования единого многонационального пространства, называемого Евразией. Можно сказать, что евразийская концепция была ядром кожиновской историософии. Кожинов считал учение евразийцев как наиболее плодотворное в деле постижения российской истории: «Превосходство» евразийской концепции проявляется уже в том, что она не зиждется на «оценочности» и не ставит истории России «неуды», а в то же время не превозносит её ни над Европой, ни над Азией, видя в России – Евразии не нечто «лучшее» (или «худшее»), но другое» [2, с. 260].

Продолжая кожиновскую мысль, можно сказать, что евразийская концепция, у истоков которой стояли П. Чаадаев, Ф. Тютчев, Ф. Достоевский и К. Леонтьев, является как бы противовесом концепциям западников и славянофилов и занимает, несомненно, *стержневое*, центральное место в отечественной историософии. И тот факт, что в конце XX века идеи евразийцев глубоко усвоил и развил именно Кожинов, представляется далеко неслучайным. Историософское понимание таких феноменов как социализм и революция Кожинов развивал в статьях «Куда движется человечество?» (1991) и «О революции и социализме – всерьёз» (1990). В первой статье публицист, доказывая необратимость любой революции, призывает власть «всерьёз задуматься о последствиях решительных нынешних попыток «отменить» социализм. Вообще-то это совершенно понятное, закономерное, типичное для послереволюционных эпох стремление к реставрации. Но практические меры в этом направлении и безнадежны, и очень опасны, они приведут только к хаосу, разрухе и, вполне возможно, к тяжелейшим жертвам (вспомним, что во Франции Реставрация вызвала ещё две революции), но не остановят ход истории» [3, с. 69]. Кожинов, оговаривая, что для него «социализм ничуть не лучше капитализма», пишет далее: «Но его победа неизбежна, неотвратима. Человек, которого я хотел бы иметь честь звать своим учителем, – М. М. Бахтин (1895–1975) – полагал, что социализм – последний этап судьбы человечества перед Страшным Судом. Глубоко уважаемый мною И. Р. Шафаревич в своём труде «Социализм как явление мировой истории» утверждает, что в социализме воплощается своего рода воля человечества к самоубийству...» [3, с. 68–69]. Во второй статье сущность революции определяется так: «История человечества (как история и любого народа, и отдельной личности – уже хотя бы в силу неизбежно ожидающей её смерти) есть, помимо прочего, явление глубоко трагедийное. И революции или, скажем более обобщённо, коренные перевороты, совершающиеся время от времени в человеческой истории, как раз и обнажают с наибольшей остротой и мощью присущую ей трагедийность. Вера в возможность

создания земного рая возникла, вероятно, не позднее веры в загробный рай. И, по сути дела, эта вера и есть стержень и основа «революционного сознания», которое способно оправдать самые тяжёлые или даже вообще любые жертвы...» [2, с. 374].

Как видим, публицист, стремясь постигнуть революцию и социализм, исходил не из каких-то «прогрессистских» политико-экономических моделей, а из онтологических основ человеческого бытия.

Кожинов в своей историософской публицистике почти не касался современной внешнеполитической ситуации России. На сегодняшний день известно только две статьи на эту тему, в которых автор обнаруживает глубокое понимание общемирового исторического процесса. Так, анализируя ситуацию на Ближнем Востоке (речь идёт о событиях в Персидском заливе 1991 г.), Кожинов констатирует: «Европа давным-давно не имеет никакой политической воли и никакой военной опасности она после окончания второй мировой войны не представляла. И даже США способны, вероятно, лишь на то, чтобы подавить какое-то сопротивление в ближайших окрестностях. Со времени ухода из Вьетнама США едва ли смогут проявить активную военно-политическую волю. Предпринятая грандиозная акция против Ирака говорит только о том, что речь идёт о выживании, поскольку без этих 600–700 миллионов нефти Запад не может существовать», – тогда как в странах так называемого третьего мира огромная «военно-политическая воля ещё отнюдь не достигла своего высшего накала». «В данной ситуации, – продолжает мысль Кожинов, – наше братание с Европой и Америкой в конфликте с Ираком, в сущности, обозначает присоединение к западному лагерю против остального мира. Я не думаю, что в глобальном геополитическом плане именно в этом и заключается роль России. Роль её – хотя бы в идеале – своего рода равновесие между двумя мирами, условно говоря, между Западом и Востоком» [4, с. 2]. Сегодня мы можем сказать, что эта кожиновская оценка (которая 20 лет назад многим представлялась неубедительной) состояния мира оказалась абсолютно верной.

В статье «Глобализация политическая, а не экономическая», вышедшей посмертно, Кожинов, считая глобализацию «закономерным, даже неизбежным следствием мирового прогресса», полагал, что «в силу геополитического и географического положения России <...> мы не имеем оснований ожидать позитивных последствий глобализации для нашей экономики. Иное дело – глобализация мировой политики, вовлекающая в одну общую «игру» все страны планеты. У России, расположенной между Западом и Востоком и вобравшей в себя многое из бытия и духа и того и другого, есть, пожалуй, самые широкие возможности межгосударственных связей и взаимодействий <...>. И уместно предположить, что «политическая» глобализация будет иметь для

России позитивные последствия» [5, с. 187]. И этот кожиновский тезис (о необходимости политической, а не экономической глобализации) ныне также кажется нам неоспоримым и чрезвычайно актуальным.

Завершить статью хотелось бы следующим утверждением. На наш взгляд, Кожин продолжил плодотворное развитие историософской публицистики, на долгие годы прервавшееся после 1917 года. Философско-историческая мысль Кожина сформировались главным образом под влиянием историософского наследия русских мыслителей XIX века. При этом историософ в своих исследованиях опирался на открытия и достижения современной исторической науки. Это дало блестящие результаты: в лице Кожина отечественная историософия второй половины XX века поднялась на высокий уровень (и, может быть, даже – на самый высокий уровень за весь период её существования).

В своих статьях он подверг историософскому анализу практически все «болевые», трагические моменты истории XX века (революция, гражданская война, коллективизация, репрессии 1937 года, первые годы Великой Отечественной войны, послевоенные репрессии, распад СССР) и многие спорные, «неоднозначные» страницы тысячелетней истории Руси–России в целом. Положив в основу историософского метода известное пушкинское выражение быть «беспристрастным, как судьба», Кожин явил нам *трагически-прекрасную* историю нашего Отече-

ства, историю, которую, говоря ещё раз пушкинскими словами, «нам её Бог дал».

Историософская публицистика, а также исторические сочинения В. В. Кожина позволяют взглянуть на историю с точки зрения постоянно находящегося в развитии и движении человеческого духа, человеческого самосознания, причём не именно европейского, или именно восточного, а как бы *все-человеческого*. К сожалению, как показывает обзор современной историософской литературы, в том числе учебной, кожиновская историософия, его мудрый, философский взгляд на историю остаются до сих пор практически неизвестными и невостребованными. Вот почему представляется важным и необходимым изучение и популяризация историософской публицистики Кожина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин В. В. Судьба России : вчера, сегодня, завтра / В. В. Кожин. – Москва, 1990.
2. Кожин В. В. О русском национальном сознании / В. В. Кожин. – Москва, 2004.
3. Кожин В. В. Судьба России : вчера, сегодня, завтра / В. В. Кожин. – Москва, 1997.
4. Кожин В. Здесь материальные интересы – прежде всего : к событиям на Ближнем Востоке / В. Кожин // Литературная Россия, 1991. – № 2.
5. Кожин В. Глобализация политическая, а не экономическая / В. Кожин // Наш современник, 2001. – № 7.

Санкт-Петербургский государственный университет
Колодяжный И. В., старший преподаватель кафедры
периодической печати

E-mail: ilko73@mail.ru

St. Petersburg State University
Kolodyazhny I. V., Senior Lecturer of the Periodical Press
Department

E-mail: ilko73@mail.ru